

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иркутск считается культурным городом не из-за иркутских медведей, которые уступают в трамвае места старушкам.

А потому что в Иркутске родилась Вика Кирдий, человек-мультишка, гений психологизма пузатой каракули, основатель детского импрессионизма. Свой первый карандаш Вика отобрала у доктора в родильном доме. Съесть грифель ей тогда не дали. Родители девочки считали, что живописью нельзя кормиться.

Воспитатели детского сада помнят Вику как «девочку, которую не следует ставить в угол, иначе она изрисует обои». И до сих пор в Иркутске можно найти книги, раскладушки, автобусные сиденья, парты и билеты на пароход, размалеванные рукой будущего мастера. Однажды, обнаружив, что собрание сочинений Льва

Толстого давно и богато иллюстрировано родной дочерью, мама Вики сказала твердо: «Езжай в Москву и всю ее закаляй!». Шучу. Мама отправила Вику поступать на модельера. Так Вика стала художником. Если вы не видите тут логики, значит, все правильно, вы по-прежнему читаете биографию Виктории Кирдий. Хорошие, нелогичные художники очень нужны были на студии «Пилот», где персонажей принято рисовать с самих себя. Еще Вика преподавала в Вальдорфской школе. Там она была единственной училкой с татуированной ногой.

Понимаете, у нее водилась подруга. Подруге хотелось татуировку, необычную. А придумать красивое подруга не могла. Она была простой девушкой, никогда не ела докторских карандашей и не рисовала на трамваях. Вика нашла ей на скального оленя, прекрасного. Они дого-

ворились встретиться в тату-салоне. Вика пришла, а подруга — нет. И вот, чтобы не обижать татуировщика неявкой посетителя, Вика мужественно предложила раскрасить свою женственную ногу. То есть понимаете, она за рисование как таковое, везде, всегда и на всем. За врожденную ненависть к нераскрашенным пространствам Вику приняли в Союз художников РФ и Международную федерацию художников. Членом, что характерно. В Москве прошло несколько ее выставок. И вышло уже много книг с рисунками. Прямо как у какой-нибудь Микеланджело.

Слава Сэ

КОГДА ДЕРЕВЬЯ БЫЛИ БОЛЬШИЕ

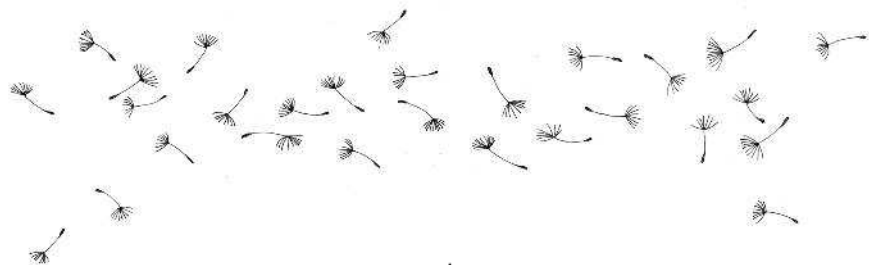

Самое первое мое воспоминание — ясли. Точнее, запах каши и карболки под лестницей. Мокрые колготки и изжеванный воротник на рубашке. Когда я вижу маленького ребенка в яслях, на меня вновь наваливается тоска оставленности в казенном заведении.

Сестра увидела в школьной столовой, что все кастрюли подписаны. Восхитилась. Мы еще долго отскребали масляную краску с того, до чего дотянулись ее руки. Потом она выросла и стала архитектором.

Моими друзьями были ножницы. Я вырезала цветы из штор и маминых платьев, фотокарточки из документов, картинки из энциклопедий. Потом я тоже выросла и полюбила острые ножи.

В детстве меня часто ставили в угол. Я быстро смекнула, что стоять скучно, и заранее запасалась грифелями из карандашей. В квартире не осталось ни одного чистого угла, во всех словно густо насидели мухи. Своему сыну я

сразу выдавала в угол карандаши. Он стал программистом.

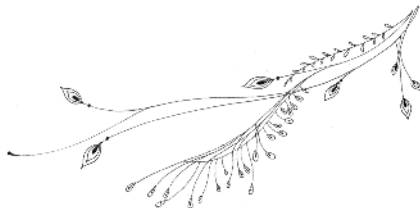

В детском саду в тихий час нас укладывали спать на раскладушки. И однажды я обнаружила, что все двадцать раскладушек изрисованы мной. Я до сих пор люблю карандаши и краски, как праздник, который всегда со мной.

Мама стала приносить для меня лоскуты тканей из ателье и подарила коробку из-под телевизора. Это был самый богатый картонный дом в моей жизни, полный трофейных шифонов, шелков, жоржетов, всего воздушного и невесомого. Теперь я одним прикосновением могу определить, есть ли в ткани синтетика.

Натрогала.

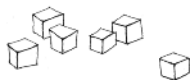
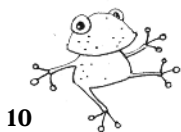

Недалеко от нашего дома была трамвайная остановка, и там же стояла маленькая будка для смотрительницы путей. А рядом — деревянный короб, куда заглядывала смотрительница, она что-то оттуда зачерпывала ковшом и уходила. Мне казалось, что там драгоценности, которые она где-то перепрятывает. Уговорила малолетнего брата на грабеж. И вот мы сидим у открытого ящика, наполненного песком.

В нашем детстве существовал старьевщик. Он выменивал ветошь на дешевые пустяки и игрушки. Так мы обзавелись резиновой лягушкой с помпой и ежиком со свистулькой. Однажды старший брат в наказание заколотил наши сокровища в ящик комода. Теснимые скорбью, мы год вынимали из него огромные гвозди. Вынули. После месяц ходили королями с резиновой свитой. Жизнь игрушек недолгая. Но, наверное, где-то есть игрушечный рай, в котором живут мишки с оторванными лапами, безглазые зайцы, машинки без колес, утерянные пуговицы и детали конструктора. Может, там живут наши ежик и лягушка.

Мусорных контейнеров не было. По улицам ездила машина, и мусорщик трезвонил в колокольчик. Как я вожделем имела такой же!

Забирались по полкам платяного шкафа на самый верх и прыгали на кровать, соорудив из наволочки парашют. Продавили панцирную сетку кровати до самого пола. Когда кровать укрепили досками — наша парашютная карьера закончилась. Как-то мне подарили билет в аэродинамическую трубу. Выяснилось, что я мало чем отличаюсь от той кровати.

Старший брат прикрутил к доске негодные коньки, нам эта доска казалась роскошными ледяными санями. Полярная экспедиция собиралась из соседского мальчика, провиант — из булки с сахаром и дверного коврика для тепла. Самому выносливому выпадало быть оленем.

Мама водила нас купать в городскую баню с колоннами у парадного входа. Мне так нравилась эта баня: мраморные скамьи, клубы пара, кипяток из крана, шайки, мочалки и кадушки с ледяной водой. И много розовых смеющихся женщин. Мы с братом сидели в тазу с пеной на голове и были абсолютно счастливы. Потом нам давали кружку холодного кваса с листиком от смородины. А после мы бежали к истопнику выпрашивать уголь с отпечатком окаменелости, который он приберегал для нас.

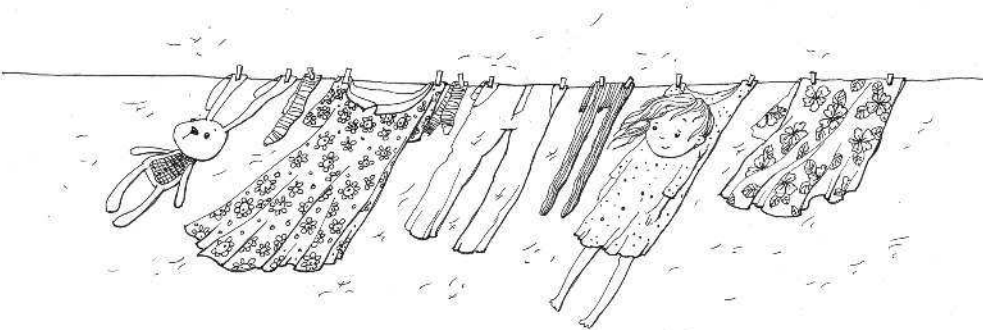

Смастерили подъемный кран из коробки, крючка и катушки ниток, чтоб спускать морскую флотилию из коры и бумаги со второго этажа на первый в весенние сугробы, в надежде, что эти корабли унесет в океан. Летом вся флотилия стояла на рейде в кустах акации.

В Иркутске мы жили в старом двухэтажном доме на два подъезда. Печное отопление, дрова в сарае, ледяная вода из колонки. Пришло время сносить печи, ставить батареи и ванну, но ее негде было купить. Только на заводе. Мама договорилась с директором, а вот вывезти ванну без нужных

бумажек оказалось нельзя. Она наняла мусоровоз, ванну погрузили в него, мама легла в ванну и выехала. А через год брат стал стесняться купаться со мной. Больше не с кем стало выдувать мыльные пузыри из мочалки. Ему было четыре, а мне пять лет.

Однажды мы с братом обзавелись вшами. Радости было полные штаны — сидеть с пакетами на голове, обмазанной керосином.